

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires

Argentina

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAÍS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 738.745

Correo
Central B
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVI Buenos Aires, martes, 17 de marzo de 1964 • Буэнос Айрес, вторник 17 марта 1964 года № 738

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРЕДСТОЯЩИЕ ИСПЫТАНИЯ

В августе текущего 1964 года исполняется 50-я годовщина начала Первой Мировой войны. Все государства, участники этого колоссального вооруженного конфликта, готовятся отметить этот зловещий юбилей, принесший и еще приносящий всему мятущемуся человечеству неисчислимые бедствия. Императорская Россия принесла в жертву общего дела Союзников два с половиной миллиона жизней лучших своих сынов, держа на своем фронте более половины вооруженных сил австро-германцев и их союзников.

Февральскую революцию наши союзники, потворствуя ее осуществлению, встретили с энтузиазмом. Пришедшие к власти февральцы разложили русскую армию путем своей собственной демагогии и потворством Ленину, которому сми не препятствовали разлагать не только русскую армию, но даже и остаки российской государственности. Государь Император Николай Второй был честным союзником, категорически отвергая все предложения сепаратного мира, которые ему делались правительствами неприятельских держав. Надо отдать должное февральцам, они тоже не пошли на сепаратный мир и старались продолжать быть честными союзниками, хотя они и пришли к совершенно обратным результатам, уронив власть на землю, которую и поднял Ленин с целью заключения сепаратного мира, чтобы прекратить капиталистическую бойню и устроить небывалый всероссийский погром.

Все Белые армии не изменили своей ориентации на Союзников, оставаясь верными слову данному Россией в августе 1914 г. Со стороны же Союзников последовал целый ряд предательств в отношении России, ярким примером которых может служить выдача красным адмирала Колчака. Вскоре после этого последовало признание советской диктатуры законным правительством России, что продолжается и по сей день, причем не оскудевает поддержка демократиями сов. власти и предпочтительность в самые для нее критические моменты.

С великого Февраля прошло 46 лет, а потому, в аспекте всего вышеизложенного можно задать себе дерзновенный вопрос — стоило ли Императорскому и Временному правительству воздерживаться от сепаратного мира, не спасая этим СЕБЯ, чтобы выручать будущих своих потенциальных предателей? Вопрос совершенно тщетный, ибо в 1914-1917 годах будущее предвидеть было невозможно, хотя следовало бы было проявлять более осведомленности насчет чести и морали Запада и вообще быть более искушенными в политической международной игре.

Позволив себе это, с позволения сказать, лирическое отступление, вернемся к пятидесятилетнему юбилею (1914-64). Насчет России получается так. Собственно говоря, России нет, а в наличии имеется СССР, который предал Союзников в самый критический момент первой капиталистической бойни. Но, если России нет, то все же имеются за рубежом ее осколки, которых ни в какой степени нельзя обвинить в измене Союзникам.

Как же будет отмечаться участие России в войне? Не приходится сомневаться, что большевики постараются, не-

А. Соллогуб

(Окончание)

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС

(К 47-й годовщине Российской катастрофы).

Однако, нельзя всецело сваливать вину за ложное понимание коммунизма и враждебное отношение к русскому народу исключительно на него. В сложившейся политической обстановке есть доля вины, и при том большая, наша — русских эмигрантов, не сумевших поставить себя так, как надлежало сынам Великой Российской Империи, Русской Православной Церковью, ставшей Третьим Римом и считавшейся оплотом Мирового Православия, и Великой Русской Культурой.

Как это ни прискорбно, но ни русская эмиграция, ни национальные русские организации, ни Русская Православная Зарубежная Церковь не отмечали этих юбилейных дней величайших в истории русского народа событий так, как надлежало это свободным сыном великого русского народа, что невольно привлекло бы внимание всего свободного мира. Торжества прошли никем, кроме нас, незамеченными. Такое попустительство с нашей стороны — непростительный грех перед Россией и подневольным русским народом.

Правда, всюду в среде русской эмиграции устраивались юбилейные собрания, даже с концертными выступлениями, выслушивались доклады, но дальше этого мы не пошли. Мы рассказывали сами себе о том, о чем знаем с детства; мы отдавали должное нашему великому прошлому, в нем, надо полагать, мы никогда не сомневались, но познакомить с этим неосведомленных, если не сказать — невежественных, иностранцев мы не сумели, вернее, — даже не пытались.

Современные иностранцы, особенно американцы мало, или вернее ничего, не знают о прошлом России, а если и знают, то лишь со слов лживой советской пропаганды, представляющей Императорскую Россию в извращенном виде и стремящейся всячески умалять и склеветать прошлое.

Когда в 1959 году в Нью Йорке была советская выставка, на ней бросалось в глаза множество всевозможных показательных таблиц со статистическими данными с 1918 года (когда в России действительно ничего не было, так как им же все было разрушено), с постенным развитием до 1960 года. И национальный иностранец, подолгу простоявая у таблицы, приходил к заключению, что в Императорской России ничего не было, а Сталин и Хрущев являются великими строителями, превратившими ничтожную, рабскую страну в государство великих достижений.

И помогают Советам в их клеветнической и лживой пропаганде на Императорскую Россию всевозможные “альбомы” и “книги” на украинском языке, издаваемые в изобилии “широкими украинцами” пана Добрянского, в которых и Владимир Святой, и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах представляются украинским князьями, а Киево-Печерская Лавра и ряд других исторических памятников русского творчества и культуры преподносятся читателю-иностранныцу, как творчество культурного украинского народа и “великого украинского государства”, завоеванного ненавистными москалями.

И этими “книгами”, с заведомо ложным, гнусным изложением, засоряются американские и европейские библиотеки, рассыпаются они во все университеты, и нет ничего удивительного, что, при отсутствии наших русских, правди-

вых книг, они являются тем материалом, на котором базируют свое отношение к Императорской России иностранцы.

Нам скажут: “нет средств на эту русскую работу, на это требуются большие деньги”. Вздор! Во-первых, уж не такие большие деньги, а, во-вторых, были бы охота, а средства найдутся. Несмотря на многие минусы, наша эмиграция жертвенно и нужные средства были бы собраны — нужна лишь авторитетная инициатива. Помогли бы и некоторые иностранцы. Да, наконец, если бы доход со всех устраиваемых русскими организациями вечеров и балов в течение одного лишь года пошел на эту благую цель — на защиту доброго имени России и русского народа, страждущего за Железным Занавесом, — это покрыло бы не малую часть расходов.

Все несчастье заключается в том, что русская эмиграция не объединена и не имеет единого руководства. Только поэтому мы и не имеем никакого авторитета и с голосом нашим не считаются, несмотря на вполне обоснованные, резонные меморандумы и протесты. В этом и кроется причина всех несчастий, о которых мы говорили выше.

Что же мешает нашему политическому объединению? Ведь все мы белые, национально-мыслящие эмигранты, — безусловные и непримиримые враги коммунизма и советской власти; все — якобы, враги Февральской революции и пресловутой, одиозной, русской демократии, возглавляемой Временным Правительством, которая своей бездарностью, глупостью, напыщенной болтливостью и абсолютной неспособностью подготовила почву для большевиков и отдала затем русский народ и все достояние России на растерзание интернациональной, коммунистической шайки; все мы любим Россию и искренне желаем восстановления единой, неделимой, верующей России; все искренне и постоянно оплакиваем доброе, старое время, с любовью вспоминаем Императорскую Россию (несмотря на многие недочеты и ошибки, но их, только в значительно большем масштабе, как мы воочию сами убедились, у западных, демократических правителей куда больше, не взирая на то, что время продвинулось на полвека вперед) и с благоговением служим панихида по мученически убиенной Императорской Семье, — так почему же мы боимся открыто исповедывать нашу священную, монархическую идеологию?

Почему мы все ясно и определенно не вынесем порицания и не заклеймим в наиздание потомству “февральских” революционеров и их приспешников, изменивших Государю и присяге, кто бы они ни были, и не объединимся вокруг Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича?

Если большевики нам ненавистны, если всяких рода революционно-республиканские и демократические ботлыны нам противны и относимся мы к ним с презрением, — то за кем же мы должны пойти, как не за законным Наследником Престола? Не анархисты же мы в конце концов?..

Бывает может, кто-нибудь возразит: — Учредительное собрание! Благодарим покорно: это будет повторение той же проклятой керенщины, которая легко привела бы опять к смуте, но, к счастью, исстрадавшийся в переволюционной неволе русский народ ни до каких экспериментов, вроде Учредительного собрания, не допустит.

Так почему же мы боимся открыто исповедывать монархическую недоло-

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

гию? Не модно? Иностранная демократия будет коситься? И на здоровье! Повторяю, — как бы мы ни расшаркивались — ничего путного, что пошло бы на пользу национальной России, мы от иностранцев не добьемся. И, наоборот: наша верность русской, тысячелетней идеологии заставила бы их, хотя бы для видимости воздерживаться от политической демагогии в отношении России. Им пришлось бы считаться с убедительным фактом: не все уж в Императорской России было так плохо, если остались ей верны и поныне лучшие сыны, разнородные по своему социальному положению, эмигрировавшие от революционной, узурпаторской власти. Это, в глазах иностранцев свело бы на нет наглые утверждения Советов, что они явились “благодетелями” русского народа и “насадителями” культуры.

Относительно же русского народа, изымающего за Железным Занавесом, некоторые, быть может, так думают, — слово “Царь” чуждо, можно с полной уверенностью сказать, что никаким “демократическим” партиям или группировкам он никогда больше не поверит и пойдет только за своим Народным Царем и только Ему одному поверит и отдаст в Его венценосные руки свою судьбу.

Однако, большинство русской национальной эмиграции, объединяясь в разного рода объединения и общества, не имеет, по непонятным причинам, гражданско-мужества сказать о своей верности монархии, единственного чего всегда боялась и боится и сейчас советская власть, зная, что это священное слово “Царь” впаяно в плоть и кровь русского народа, и его не искоренить никаким террором и пытками, как нельзя вырвать из сердца русского народа Бога.

**

Результаты нашего попустительства, пренебрежения нашими родными, священными заветами и игры в “непредрешечество” оказались весьма печальными: вместо приветствия свободного мира по случаю 1100-летия Русской Государственности, мы получили американский билль о “порабощенных народах” с перечислением заочно и самовольно созданных мифических государств на территории бывшей Российской Империи, насилиственно захваченной международным коммунизмом, с полным низвержением Российского Государства и абсолютным умалением русского народа; а от де Голля, от лица Франции, которую спасла Россия в Первую Мировую войну от полного разгрома и уничтожения, был получен проект — отнять у России Сибирь и оставить ее лишь на европейском материке, притом — сильно “урезанной”, и, конечно, под его премудрым иностранным руководством. А вместо сочувствия в постигшем нас несчасти, когда наш русский народ находится в жестокой, кровавой кабале безбожного, международного коммунизма, — мы услышали, что русский народ и угрожающий всему миру коммунизм — синонимы; вместо заверения помочь русскому народу сбросить оковы, — сосуществование с коммунизмом и обмен “культурными силами”, которых совершиенно “не оказалось” у несчастной эмиграции, жалких останков “дикой страны поработителей — помещиков и царских генералов”. И вместо памятника 1100-летия Русской Государственности, сооружение которого было священным долгом русских эмигрантов при поддержке свободных народов — нам преподнесен в мировой столице — Вашингтоне памятник Шевченко...

Все, все мы виноваты в созавшемся положении и таком пренебрежительном отношении свободного мира к русскому несчастью. Мы не сумели отстоять права части поруганной, распятой России. И к нам, спустя 47 лет после крушения Великой Российской Империи, могут быть также отнесены священные слова, написанные кровью сердца Венцосного Страдальца за Русскую Землю и русский народ — Императора Николая II: “Кругом измена, трусость и обман”.

Пусть каждый из нас приложит руку к сердцу и признает, что есть доля и его вины в том, что национальное знамя Великой Российской Империи, которое мы взяли с собой, уходя в изгнание, нами запрятано, а не развеивается высоко и гордо, заставляя считаться

СОВЕТСКИЙ БЫТ

ТЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОППОЗИЦИОНЕРА

(КРС) В “Неделе” № 3 за 1964 год напечатан рассказ Рустема Кутуя “Я леплю снежную бабу”. Рассказ напасан, как говорят советские критики, с завидным легкомыслием, то есть в нем нет никакой борьбы за коммунизм, никакого пафоса и разрешенного сверху осуждения хозяйственных недостатков. Герой рассказа Григорий Малышев работает в одном учреждении, но смотрит на работу, как на нудную и бессмысленную тряту времени. Все его внимание поглощено любовными взаимоотношениями с Верой.

Случайно очутившись в кабинете начальника учреждения в то время, когда самого начальника не было за письменным столом, Григорий Малышев заметил “какие-то листки” на столе. Присмотревшись к листкам, Григорий Малышев понял, что это был рапорт о служащих, их характеристики. На листках было написано:

“Спирнина — убегает с работы в магазины. Почти каждый день. С мужем живет плохо. Говорят, погуливает.

Васильев — много разглядывает о государстве. Цитирует Ленина. Его слова: “Правды маловато”. Отец реабилитирован посмертно.

Григорий Малышев. Нехорошо улыбается. Подготовить рапорт.

Иванова с Караваевой шепчутся, слыша свою фамилию. Подозреваю...”

Эта небольшая выписка из рапорта о служащих, составленная рукой начальника учреждения, красноречиво говорит об атмосфере подозрительности, доносов и неугодных настроений среди служащих.

Наиболее интересным является Васильев, отец которого был посмертно реабилитирован. Писатели чувствуют, что дети расстрелянных во время культа личности Сталина родителей не могут вести себя так, как остальные граждане: они думают “о государстве”, говорят о том, что “правды маловато”.

Поэт Рустем Кутуй — сын известного татарского писателя Аделя Кутуя, обвиненного в годы культа личности в национализме. Рустем так пишет про это:

“Он любил театр — тот особый запах кресел, теплого воздуха. Он любил мгновенно гаснущий шум, пробегающий по рядам, и поблескивающий красным бархатом занавес... Но в пучек прожектора вышел человек в строгом кителе и сказал:

— Среди нас находится ярый националист Адель Кутуй. Он должен оставить зал.

И отец прошел через тишину, чрез настороженные пятна лиц, как прокаженный. Времени не прикажешь, человеку приказать можно. Был вечер, а впереди ночь и завтрашнее утро... И надо было жить. Теперь то время коротко называется “культом”...

(“Литературная Россия”, 29-го ноября 1963 г.)

РУССКАЯ СУББОТНИЯ ШКОЛА ОРЮР

Молебен и начало учебного года в субботу, 21-го марта, в 9 час. утра, в помещении Школы (ул. Буэнос Айрес, 2165. Оливос).

с собой и друзей, и врагов Национальной России.

Для того, чтобы свободный Запад, во главе с США осознал свои ошибки и, переменив свое отношение к коммунизму, стал другом русского народа, — необходима большая национальная работа русской эмиграции.

Время не ждет. Промыслом Божиим нам дается последняя возможность стать на наш исторический путь, идя по которому мы сможем отвести на висшую над измученной коммунизмом Россией опасность и достичь возрождения нашей Великой Родины.

В противном случае священные слова горького упрека “Кругом измена, трусость и обман” навеки заклеймят нас в глазах будущих поколений.

А. Соллогуб

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОБРАЩЕНИЕ “ПОПУТЧИКОВ” К ХРУЩЕВУ

Нам пишут из Лондона:

В декабре 1963 года группа западных деятелей, известных своей пропагандой в пользу “мирного сосуществования” с коммунизмом, во главе с лордом Бертраном Росселем, обратилась к Хрущеву с письмом о положении евреев в СССР.

Ныне полный текст этого обращения опубликован в английской прессе. Кроме престарелого “вождя” английских “попутчиков”, лорда Росселя, письмо подписали: вдовствующая бельгийская королева Елизавета (бабушка короля Бодуэна), неоднократно ездившая в Москву и сфотографированная, во время одной из этих поездок, под руку с Ворошиловым, лауреат Нобелевской премии по физике д-р Макс Борн, израильский ученый Мартин Бубер, лидер левого крыла итальянской социалистической партии Рикардо Ломбарди, французский писатель Франсуа Мориак, душеприказчик покойного профессора Альберта Эйнштейна Отто Натан, бывший главный директор продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций лорд Бойд Опп, американский лауреат Нобелевской премии мира проф. Лайнус Паулин, знаменитый своею филантропической деятельностью в Африке врач д-р Альберт Швейцер, лидер американской социалистической партии Норман Томас и итальянский поэт-коммунист Джузеппе Унгаретти.

Авторы письма считают, что положение евреев в СССР несравненно хуже положения остального населения. По их мнению, евреи подвергаются преследованию именно потому, что они — евреи. Подчеркнув, что они сами не принадлежат ни к какому религиозному исповеданию и считают нужным бороться с “религиозными предрассудками”, авторы обращения к Хрущеву написали, что, “однако, мы считаем, что свобода исповедывать религиозные взгляды должна быть предоставлена евреям в Советском Союзе так же, как эта свобода предоставляется лицам остальных религиозных взглядов”.

“РУССКАЯ ПРАВДА”

Нам пишут из Мельбурна:

Выходящая здесь с декабря 1961 года на ротаторе газета “Русская Правда” будет печататься с марта с. г. в собственной типографии.

Основатель, редактор и издатель этой газеты Г. Б. Коринфский сообщает, что приобретение типографии “было сделано почти без денег, за счет тяжелого и непрестанного труда” и помощи, оказанной проживающими в Австралии русскими единомышленниками редакции.

А. ТРИМАКАС

Нам пишут из Нью Йорка:

Здесь, в возрасте 61 года, скромно скончался председатель Балтийского Комитета Освобождения, известный литовский эмигрантский деятель Антоний Тримакас.

Покойный был, по образованию, экономистом и, до Второй Мировой войны, литовским дипломатом. В Соединенных Штатах он жил с 1947 года, был профессором одного из американских университетов, председателем Литовского Освободительного Комитета и одним из руководящих деятелей Ассамблеи Порабощенных Европейских Наций и Христианско-Демократического Объединения центральной Европы.

АМЕРИКАНСКИЙ СЕНАТ И ЗАКОН 86-90

Нам пишут из Нью Йорка:

Центральный комитет республиканской партии издает особый бюллетень, освещающий деятельность секций этого комитета, интересующейся жизнью, так называемых, этнических групп, существующих в Соединенных Штатах.

В февральском выпуске этого бюллетеня опубликована любопытная информация о тех сенаторах, которые согласились или отказались войти в состав особого комитета, поддерживающего установленное законом 86-90 ежегодное ознаменование пресловутой расчленительской “недели порабощенных наций”.

Бюллетень утверждает, что из соста-

ва республиканского меньшинства Сената 50% сенаторов состоят членами этого особого комитета. Из состава принадлежащего к демократической партии большинства только 20% вошли в состав комитета. В частности, отказались стать членами комитета такие известные сенаторы, как председатель сенатской комиссии иностранных дел Дж. В. Фулбрайт, брат убитого президента Эдуард Кеннеди, бывший губернатор штата Коннектикут Абраам Рыбиков, известный антикоммунистический деятель Х. Виллиамс и мн. др.

ЕВРЕИ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

“Нью-Йорк Таймс” сообщает из Москвы, что еврейская община в этом городе получила разрешение советских властей на изготовление мацы. В прошлом, маца, как и пасхальные куличи, выпекались в Москве некоторыми государственными булочными, но в 1962 году эта выпечка была запрещена. Верующие евреи могли печь мацу в своих квартирах для личного потребления, но продажа изготовленной таким образом мацы не только воспрещалась, но и сурьово каралась. Это положение вызывало, в течение двух последних лет, нападки иностранных еврейских организаций и западной прессы на советскую власть.

В сообщении московского корреспондента о разрешении выпечки мацы в этом году сказано, что общее число евреев в СССР равно 2 миллионам 500 тысячам человек, из которых 625 тысяч человек живут в Москве. Значительное число евреев проживает также в Ленинграде и в Киеве.

Та же газета сообщает, что Американский Еврейский Комитет в Нью Йорке созвал пресс-конференцию, во время которой показал журналистам изданную Академией Наук УССР в Киеве в 1963 году книгу М. К. Кичко: “Иудейство без прикрас”. На обложке книги — карикатура на еврея, изображенного в “тальсе”, то есть в богослужебной одежде, с деньгами в руке. Автор книги обвиняет “вождя сионизма” даже в том, что они, в годы германской оккупации на Украине во время Второй Мировой войны, “состояли на службе фашистов”.

УКРАИНСКО-ЕВРЕЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Здесь состоялась третья по счету украинско-еврейская конференция, созданная, как и две предыдущие, социалистическим Украинским Институтом при содействии и участии еврейской антидифамационной лиги Бней-Брит.

Председательницей конференции была на этот раз Л. А. Гансен, урожденная Марголина, дочь известного в свое время киевского присяженного поверенного Арнольда Марголина, активно участвовавшего после революции в украинском движении. Главным украинским участником конференции, ставящим себе задачей еврейско-укrainскоеближение, был журналист Е. Стакив.

ПИСЬМО П. ПОНОМАРЕНКО

Нам пишут из Нью Йорка:

“Новое Русское Слово” сообщает, что русский студент Принстонского университета, родившийся в семье русских эмигрантов в Польше и получивший среднее образование в Соединенных Штатах Павел Пономаренко прислал редакции университетской студенческой газеты письмо, в котором отозвался отрицательно о свойствах еврейского народа. Письмо Пономаренка было вызвано организованной в университете выставкой, посвященной восстанию в еврейском гетто в Варшаве в 1943 году. Пономаренко написал, что это восстание нельзя считать историческим событием и что “волнение, вызванное этим еврейским восстанием, имеет значение, так как оно проливает свет на психологию евреев”, которые — по мнению автора письма — проявили пассивность при истреблении их немцами, а теперь хотят “заставить христианский мир признать шесть миллионов убитых мучениками”.

Президент Принстонского университета д-р Роберт Ф. Гохин отозвался на письмо Пономаренка, назвав его проявлением “слепого предубеждения, крайне чуждого интеллектуальным и моральным идеям университета”. Студенческая газета опубликовала несколько писем, обвиняющих Пономаренка в антисемитизме и резко критикующих его высказывание.

С. Л. Войцеховский

Задисная Книжка

ФЕВРАЛЬ 1964

ВОЗМОЖНА ЛИ ВОЙНА?

— Неужели Вы, действительно, считаете войну возможной?

Этот вопрос я слышу каждый раз, когда, в статье или в лекции, говорю, что “мирное сосуществование” и отказ от борьбы с коммунизмом неминуемо приведет к вооруженному столкновению.

— Помилуйте, — восклицают те, кто считает войну невероятной, — можно ли воевать при разрушительной силе современного оружия? Ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не пойдут на самоубийство.

Этот оптимизм не нов, но оптимисты забывают, что, в прошлом, человек ни разу не отвергнул оружия, которое могло — как он предполагал — дать ему решительный перевес над противником.

— Однако, — возражают оптимисты, — удушливые газы не были применены ни в Первой, ни во Второй Мировой войне.

Они ошибаются. Германия сделала, в Первой войне, попытку испробовать ядовитый газ, как оружие. Эта попытка не повторилась только потому, что газ — как оказалось — не был решающим средством борьбы и мог — при перемене ветра — стать опасным не для одной, а для двух сторон.

Не в пример газу, атомное оружие обладает устрашающей мощью. Примененное к беззащитному противнику, не обладающему этим оружием, оно ведет к победе и, притом, в кратчайший срок. Это было доказано в 1945 году американскими бомбами, взорванными над Японией.

Правда, положение с тех пор изменилось. Соединенные Штаты потеряли первоначальную монополию. Кроме них, три других государства уже обладают ядерным оружием и в этот “атомный клуб”, вот-вот, вторгнутся новые члены.

Войне, временно, препятствует не милосердие, якобы присущее современному человеку больше, чем его предкам, а равновесие сил, возникшее в последние десятилетия между Соединенными Штатами и коммунистическим блоком по вине или — скажем так — по оплошности Рузельта и его преемников. Это равновесие может длиться долго, но оно

может измениться, скоро и неожиданно. Его нарушение может быть вызвано не только военным изобретением, не только ускорением производства баллистических снарядов той или иной стороны, но и потерей баз, захватом еще нескольких государств коммунистическими захватчиками.

Непрерывное наступление коммунизма на внешний мир — как оно ни окунято дымовой завесой миролюбивых фраз — нарушает равновесие ежедневно. Воинственность коммунизма — повторю сегодня то, что написал в январе — создает, при “мирном сосуществовании”, необходимость отступления внешнего мира то на одном, то на другом участке его хрупкого фронта. Это отступление не может быть бесконечным. Рано или поздно, война станет неизбежной. Понимание этой истины не требует жестокосердия и кровожадности. Оно возможно и без желания увидеть развалины Москвы и Вашингтона. Нужно, однако, отказаться от иллюзий и понять, что только падение коммунистической власти в России может предотвратить войну.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕВОЛЮЦИИ

— Пока продолжается нарушение божеских и человеческих законов, названное революцией, русский народ и мы, эмигранты, обречены на муку, в лучшем случае, — на прозябанье.

Эти слова моей статьи в “Нашей Стране” (4-го февраля 1964 года) вызвали отклик читателя.

— Вы, конечно, понимаете, — написал он мне, — что реставрация невозможна. За полвека революция вошла в плоть и в кровь русского народа. Осуждая революцию, вы осуждаете наш народ.

Этот упрек мною не заслужен. Я не только думаю — как и читатель — что реставрация многих проявлений политической, общественной и хозяйственной жизни (не говорю о правовой, ибо Россия до революции была примером уважения к закону) невозможна. Я даже думаю, что она нежелательна. Будь все на нашей родине превосходно в 1917 году, революции бы не было. Нельзя взваливать всю вину на одни только “темные силы”, хотя их участие в подготовке и осуществлении Февральского переворота теперь никем, в том числе и ими самими, больше не отрицаются.

Никакие “темные силы” не сокрушили бы великую Империю в несколько дней, не будь она давно подточена множеством болезней. Можно объяснить эти болезни — нерешительность и слабость власти, развращенность общества, вопиющее неравнодействие сословий, наивную идеализацию иностранщины, безбожие значительной части русской интеллиген-

ции и многое, многое другое — историй России, проникновением чужих влияний, но объяснение не меняет дела. Будь Россия в 1917 году крепка не только внешне; существующая в ней не показная, а действительная связь между Монархией и Церковью, с одной стороны, и образованной частью населения, с другой, никакие внешние влияния и тайные организации не развалили бы государство, просуществовавшее тысячу с лишним лет.

Полная реставрация — будь она возможна — была бы восстановлением России слабой. Если мы хотим России сильной, если мы хотим России крепкой, она не может быть Россией дореволюционной. Одним из первых это понял И. Л. СОЛОНЕВИЧ, звавший не “назад к Монархии”, а “вперед к Монархии”, и, притом, не прежней, а новой и народной.

Было бы теперь напрасной трата времени гадать, как эта новая, народная Монархия устроит жизнь страны, пережившей полвека, а то и больше, коммунистической диктатуры, террора, произвола и бесправия. Несомненно только одно — сносной жизни в России не создать, ни при Монархии, ни при любом ином, временном строе, который может оказаться неизбежным в переходные годы — не вернувшись к двум основным свойствам России дореволюционной: к вере в Бога и к христианской любви к ближнему. Попытки призвать русский народ к освобождению от коммунизма во имя “завоеваний революции” обречены на провал. Революция — каковы бы ни были побуждения ее зачинателей, каковы бы ни были ее неотменимые последствия в общественном сознании народа — пробудила в России такую катаринскую жестокость, такую попрание человеческого достоинства, что выздоровление страны невозможно без отчетливого осуждения этих преступлений.

Новая Россия, после ее освобождения от коммунизма, не будет похожа внешне на Россию старую. Как и дореволюционная Россия, она не будет, несомненно, святою Русью в том высоком смысле, который наши предки вкладывали в этот светлый и недостижимый образ, но именно он будет мостом, перекинутым от Свв. Князей Владимира и Александра Невского, от сонма русских мучеников и новомучеников, от убиенной Царской Семьи к будущим поколениям русского народа. Сооружение этого моста, невозможное без осуждения безбожной и бесчеловечной революции, есть та реставрация, к которой нужно призывать неустанно.

ВЛАСОВЦЫ В КАНАДЕ

Активный, в прошлом, участник Русского Освободительного Движения ге-

нерала А. А. Власова, состоящий ныне членом Союза Борьбы за Освобождение Народов России, обратил мое внимание на то, что не все члены этого Союза так же приветствуют “мирное сосуществование” внешнего мира с коммунизмом, как это сделал мюнхенский центр этой эмигрантской организации. Как доказательство, этот член Союза передал мне “Информационный Листок”, изданный его отделом в Канаде. В нем, действительно, сказано, что следующий номер “будет посвящен идеологическим проблемам и вопросам нашей тактики в связи с установлением курса некоторых стран Запада на, так называемое, сосуществование”. Обсуждение этого вопроса — сказано в том же “Информационном Листке” — “уже вызвало горячие прения в некоторых организациях Союза”.

Я вижу в этих “горячих прениях” признак жизнеспособности организации, сохранившей — в эпоху “мирного сосуществования” и отхода большинства русских эмигрантов от какой-либо борьбы с коммунизмом — стремление продолжить эту борьбу.

Голос власовцев в Канаде звучит — в этом отношении — недвусмысленно и четко.

Податливость на международном поприще — сказано в обращении к читателям — отражается и на снижении непримиримости и политической боеспособности эмиграции. Прекращение выпуска журнала “Социалистический Вестник” в Нью Йорке свидетельствует о том, что старшее поколение эмиграции уходит на вечный покой. Церковные нелады на уровне приходских организаций все чаще принимают формы ожесточенных стычек, разлагающих эмиграцию, ссорящих бывших единомышленников... Готовность к сделкам с советской, моральное поражение, одряхление эмиграции, но, чем труднее новые обстоятельства, тем яснее наш путь. Мы не пошли на сделки с расчленителями России, не можем идти с теми, кто братается с антинародной диктатурой. Мы должны остаться на положении “третьей силы”, готовой служить только интересам нашего народа. Среди эмиграции мы должны формировать и направлять силы, готовые двигаться против течения, против обывательщины, денационализации, против раболепного преклонения перед властью имущими иностранцами, против советского патриотизма.

Много ценных сведений и в напечатанном в том же издании “Обзоре деятельности Канадского отдела СБОНР в 1963 году”. В очень нелегкой обстановке эти соратники генерала Власова продолжают — как могут — его дело...

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

Эудженио Кортэ (перевод А. Ростова) (Продолжение, см. №№ 708, 718 и 732).

„СУД НАД СТАЛИНЫМ“

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

(Надя Миронова хочет вернуться на дачу, но из другой двери дома выходит и спускается по лесенке в сад Сталин).

Надя (смущенно): Здравствуйте, батюшка.

Сталин: Здравствуй, Надя.

Надя: Разве сегодня праздник, что вы так рано вернулись из Москвы?

Сталин: Да, это можно, пожалуй, назвать праздником. Сегодня к вечеру для многих будет праздник.

Надя: А я этого и не заметила. Вот уже скоро будет восемь лет, как для меня не может быть никаких праздников.

Сталин (молчит, но хмурит брови с заметным недовольством).

Надя: Даже больше того... Со дня, как Яша отправился на войну, оставил меня в тоске после столь короткого нашего счастья после моего возвращения домой. Ведь солдаты с такими кроткими и добрыми глазами, как у Яши, обычно домой не возвращаются; так мне тогда уже сердце подсказало (пауза). Но, возможно, я вам теперь надоедаю такими разговорами. Предпочитаешь ли ты, чтобы я удалилась сейчас и вас оставила?

Сталин (молчит и смотрит на Надю).

Надя: Так я с вашего разрешения... (хочет уйти и делает шаг к даче).

Сталин: Ты сразу хочешь от меня уйти? Ведь ты всегда так делаешь, я это

уже заметил! Нет, останься. Мне нужно сегодня с тобой поговорить. Если бы ты сама не спустилась в сад, то я бы за тобой послал.

Надя (с внезапным испугом): Вы за мной послали бы? Как это может быть? Что я сделала? Не понимаю...

Сталин: Отчего ты испугалась? Разве я такое чудовище, что ты боишься, когда я тебя зову и хочу с тобой побеседовать. Мне нравится, когда я вижу, что другие меня боятся, но не хочу, чтобы ты, Надя, тоже меня боялась (пауза). Почему же ты меня боишься теперь еще после того, как я просил тебя называть меня отцом и поселил тебя тут у меня на даче, где после замужества Светланы никто из моих родных больше со мной не живет.

Надя (в смущении молчит и смотрит на Стalin).

Сталин: Кстати, расскажи мне, Надя, что ты делаешь там, сидя все время одна в своей комнате, где я тебя посыпал? Ведь с тех пор, как ты живешь у меня в соседней со мной комнате, ты всячески от меня удаляешься, ты просто избегаешь встречи со мной и не выходишь, когда у меня гости обедают или ужинают. Что же я, по-твоему, никого не должен здесь у себя на даче принимать и жить, как прокаженный, в своем собственном доме, где, кроме тебя и охраны, никого больше нет. Довольно того, что мне приходится пол-

дня, а часто и целый день проводить за работой в Кремле и так мало времени мне остается, чтобы здесь у себя отдыхать на даче.

Надя: Но я-то при чем? Что я могу для вас сделать?

Сталин: Что? (пауза). Ты по крайней мере заметила, насколько я теперь одинок? Или даже этого ты не заметила, замкнувшись в собственном своем одиночестве?

Надя: Я была бы слепой, если бы это не заметила. Почти каждый день вижу из моего окна, как вы прогуливаитесь молча среди этих немых статуй и всегда молчите, или громко сами с собой разговариваете... и даже по ночам выходите погулять в саду...

Сталин (смотрит с подозрением): Что значит — ночью? В моем возрасте вообще люди мало спят и потому понятно, что я часто по ночам работаю или выхожу в сад подышать воздухом.

Надя: Я не говорю о тех ночных, когда вы работаете у себя или когда вы вызываете сюда ваших сотрудников и за седаете с ними, или когда вы по ночам вызываете их из Москвы одного за другим и пробираете каждого с обычной вашей энергией и неутомимостью.

Сталин: Ну, и что же ты хочешь сказать?

Надя: Батюшка, я ведь вас слышу, когда ночью вы не только выходите в сад, но и когда вы, открыв ваше окно и облокотившись на подоконник, так долго смотрите на эти статуи в саду в ночной тишине, нарушающей только постоянными несносными перекликаниями часов и проходящими дозорами. Тогда я не могу думать ни о чем другом,

как о том, что вы отец моего Яши, и тогда я прямо не знаю, что я могла бы сделать для вас (приостанавливаясь и смотря на него грустными глазами). Ведь я-то сама теперь так хорошо знаю весь ужас одиночества, знаю, какой это жестокий спутник... ведь вот уже восемь лет скоро минет, как одиночество — мой единственный неразлучный сожитель и днем и, особенно, ночью (пауза).

Но что я могла бы сделать, чтобы помочь, чтобы вас спасти от этого страшного одиночества, в котором вы теперь находитесь? Ничего. Ведь я ничего не могу для этого сделать.

Сталин: Почему же ты ничего не можешь сделать?

Надя: Ведь вы это сами хорошо знаете...

Сталин: Совсем нет! Я только знаю ищу, что ты со своим эгоизмом держишься замкнуто и меня чуждаешься, избегаешь со мной оставаться, со мной просто разговаривать.

Надя: С эгоизмом?

Сталин: Да, это только уступка твоему эгоизму и больше ничего. Если только... Будем на этот раз откровенно разговаривать друг с другом. Надя, я ведь понимаю, ты это делаешь потому, что считаешь меня виноватым в смерти Яши. Ты в глубине души считаешь меня виновником его гибели...

Надя: Нет, нет. Я потеряла мужа, которого любила больше всего на свете, а вы потеряли сына, которого вы любили. Я никого не могу обвинять в его смерти. Такие события выше моего понимания; они не зависят от нашей воли; они...

БИБЛИОГРАФИЯ

Архиепископ Серафим. Одигитрия Русского Зарубежья. Изд. 2-е, значительно дополненное. Новая Коренная Пустынь. 1963 г. 174 стр. Цена 3 долл.

Это второе издание замечательной работы Высокопреосвященного автора, (первое издание в 128 стр. вышло в 1955 г.) представляется очень интересным для всех читателей по обе стороны проклятого Занавеса, ибо дает не только историю появления чудотворной иконы и ее роли в русской истории и в истории нашего многострадального Зарубежья, но и говорит о новых чудесах от Святой иконы, из которых последнее произошло 5-го февраля 1963 года, то есть всего год назад.

К этому второму изданию приложен составленный Валерий Константиновной Хеке акафист нашей Одигитрии, что позволяет нам в разных уголках нашего рассеяния молиться Владычице, “икону Твою, яко столпом огненным нам предводящую в великом исходе нашем из земли, беззаконники пребывающие”. Ведь Святая Икона сопутствовала верным Православию русским людям в исходе из России в годы Гражданской войны, а затем с Балкан в 1944 году и из Германии в последующие годы; к этой молитве присоединяется и мы, покинувшие родину после четверти века большевистского порабощения.

Горячо рекомендуя нашим читателям приобрести эту книгу, внимательно прочесть и читать этот новый акафист, говорящий о наших современных скрьбях, о случаях чудесного спасения и о надеждах на Святую Заступницу, “сопротивных ополчений видимых и невидимых враг державно по нас поборяющи”, хотел бы отметить наиболее ценные для нас стороны этого труда. Высокопреосвященный автор, будучи сам курянином, дает не только историю Курского края и его Святой Иконы, но и свои личные воспоминания о дореволюционном Курске, о крестных ходах в Коренную Пустынь и о том, как он лично в рядах передовых частей генерала Кутепова ворвался в город во главе команды разведчиков, пройдя известными ему с детства закоулками в тыл большевикам, оборонявшим город.

Розыски

ТАТОРИНА Бориса Николаевича разыскивает мать и сестра. Знающих о нем просим писать на адрес газеты.

Сталин: Тогда почему же ты от меня убегаешь?

Надя (молчит и опускает глаза).

Сталин: Ты ведь слышишь, что я тебя спрашиваю?

Надя (робко поднимая на него глаза): Но вы сам это знаете. Это то, что мешало Яше стоять с вами рядом и работать с вами, со своим отцом, хотя он этого очень хотел.

Сталин (возвышая сердито голос): Этому мешали его ошибочные убеждения, которые засели в его упрямой голове, его проклятая навязчивая мысль о том, что я лишаю людей всякой свободы и всех делаю своими рабами. Вот в чем было дело. Когда я требовал, чтоб он был со мной откровенен, то не слышал от него других слов, как только: “Свобода! Свобода!” Словно мы, коммунисты, не ставим своей конечной целью всей нашей работы дать со временем всем эту всеобщую свободу. Разве не за свободу я боролся еще юношей в Грузии, когда меня в первый раз арестовали? Разве не за свободу я тогда боролся, отказавшись от мирной жизни! А он, упрямец, не хотел этого понять и мне пришлося его отправить на Кубань, где он тебя встретил и полюбил.

Надя: Он мне и тогда говорил, что так хотел бы вас понять; он всеми силами старался заставить себя вас понять. Вы это сами знаете.

Сталин: Но чем же он кончил? Я сначала дал согласие на ваш брак, думая, что это его образумит и он меня лучше поймет. Всеми способами я старался его отвратить от его ошибочных взглядов! Я сделал все, что мог! Но и после брака он остался таким же строптивым, тогда надо было найти другой способ

Очень важны впервые опубликованные Владыкой данные о кощунственном взрыве 8-го марта 1898 года с целью уничтожения Иконы, к чьему были за кулисами причастные лютые безбожники Максим Горький и Борис Савинков. Как это напоминает поругание чистой иконы, описанное Ф. М. Достоевским в “Бесах”!

Оказывается, что принесший снаряд Уфимцев, после недолгого заключения, процветал еще в дореволюционном Курске, а потом стал коммунистом. Между тем, другой из оставшихся ненаказанным участников злодеяния стал верующим после чудесного спасения Святой Иконы и во Франкфурте принес свое покаяние о. Г. Граббе (стр. 44).

Затем впервые узнаем о доказательствах того, что похищение Иконы 11-го апреля 1918 года организовано чекистами, ибо добровольцы-офицеры после захвата здания Чеки нашли в помойке чехлы, которые были на Иконе и ее копии в день похищения (стр. 51-52). Как интересно изложена история странствий Святой Иконы по Западу. Хорошо, что Владыка рассказал историю построения им буквально своими руками с немногими доброхотами Новой Коренной Пустыни в 1949-1950 г. г., о прибытии Одигитрии “на запад солнца” (в Соед. Штаты), о современной жизни в этой Пустыни, о посещениях Калифорнии и о современных чудесах от Святой Иконы!

Позабыв о себе рекомендовать читателям также другие интересные и поучительные труды Владыки: “Паломничество в Святую Землю” изд. 1953 года. “Судьбы России” (1959 г.), “Суббота Великого Покоя” (1959 г.), “Московские катакомбы” (1961 г.), “Умные Небесные Силы” (там найдете изложение одного из первых трудов “Мужа Апостольского” св. Дионисия Ареопагита, обращенного апостолом Павлом; день его памяти 3-го октября является национальным праздником всей православной Греции).

Пожелаем Высокопреосвященному Автору, исцелившемуся после недавней автомобильной катастрофы, долго плодотворно трудиться на Божьей ниве.

Алексей Ростов

В воскресенье, 29-го марта с. г., в 17 час., Правление ДРБ в своем помещении (Карлос Кальво 2851) устраивает СОБРАНИЕ, посвященное ЗНАМЕНИТОМУ РУССКОМУ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

ПО СЛУЧАЮ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ
На собрании будет прочитан М. М. СЕДЛЯРЕВИЧЕМ доклад на тему:

ПУТЕШЕСТВИЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

В ход свободный

его вразумления. Ты понимаешь сама, на что я сейчас намекаю.

Надя (со слезами в голосе): Но зачем вы сейчас мне об этом напоминаете?

Сталин: Как? Ты хочешь меня за это упрекать?

Надя: Нет, я сама хорошо понимаю, что вы приказали меня арестовать, чтобы не потерять сына... Знаю, что именно это было ваше намерение... Мне было так трудно в это поверить, когда меня держали в концлагере. Но знаю, что это было именно так. Потом, когда вы меня велели выпустить и вернуть к Яше, он часто мне это так объяснял. Много раз он мне это говорил.

Сталин: Ну, вот это, по крайней мере, было хорошо с его стороны, что он так понял твой арест и заключение в лагерь!

Надя: Как вы могли на самом деле поверить, что, посылая меня в концлагерь на каторжные работы, вы этим сможете переубедить Яшу и доказать ему свою правоту.

Сталин: Что это за речи? Не воображай ли ты брага под сомнение научный метод перевоспитания путем репрессирования; метод перековки строптивых в наших концлагерях? Это исправительно-трудовые места заключения. Я считал, что лагерь перевоспитает тебя и ты по возвращении к мужу сама поможешь своей любовью перевоспитать его, который так тебя любил и без тебя тосковал и просил меня ему тебя вернуть.

Надя: Я совсем простая и невежественная женщина. На что я могу претендовать. Но ведь тогда мы так еще недавно были женаты, видите ли! Что я могла понять, когда меня от мужа ото-

Dr. LUDMILA KRATCHKOVSKY

Psiquiatría: Adultos y Niños.
Tests — Enseñanza Diferencial.
Problemas Psicológicos.
Tratamiento de Obesidad y Delgadez.

Pedir hora: Tel. 72-8396

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAÍS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

T. E. 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405,

Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. A. E. Terehoff, J. M. de la

Barra 468, Santiago de Chile —

Tel. 35-958 (Foto Real).

Venezuela: Sr. K. Kellner, Alta Vista,

Calle Guayaquil 16, Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P.

O. C., Dirección General de Vialidad,

Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Russian Book Store “Russ”, M. S. Kingstone, 443 Balboa St., San Francisco 18, Calif.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. A. Alpatoff, 3747 Coronet Road, Apt. 3, Montreal 26, P. Q.

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

EUROPE

England: Mrs. E. A. Baratchevsky, 23 Alder Grove, London N. W. 2.

France: Mr. A. Krivocheieff, “Kama” 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoless, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboom-stücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. E. Koslovsky, rue Dedalou 26, Athenes.

AUSTRALIA

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N. S. W.

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Bulweria, Brisbane, Q-d.

Mr. Eugen Fest, 129 Charles Str., Northcote, Vic.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 12 песо.

САСШ и Канада — 35 цент.

Бразилия — 80 круз.

Венесуэла — 1 боливар

Парагвай — 12 гуарани

Уругвай — 1.50 ур. песо

Чили — 150 чил. песо

Австралия — 1 ш. 6 пен.

Англия — 1 ш. 3 пенса

Бельгия — 10 белг. фр.

Германия — 75 пфен.

Голландия — 0.65 гульд.

Греция — 4 драхмы

Марокко — 1 фр.

Франция — 1 фр.

Швейцария — 1 шв. фр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

Аргентина — 14 песо

САСШ и Канада — 40 цент.

Бразилия — 100 круз.

Венесуэла — 1.25 болив.

Парагвай — 15 гуарани

Чили — 200 чил. песо

Австралия — 3 шил.

Англия — 2 ш. 6 пен.

Германия — 1 нем. марка

Голландия — 1 гульд.

Греция — 8 драхм

Италия — 200 лир

Франция — 1.40 фр.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписную плату просим вносить не менее чем за 10 номеров вперед.

Во избежание затруднений при получении денег в Буэнос Айресе, просим подписную плату — почтовые переводы и чеки — направлять исключительно по адресу:
Tatiana Kirew de Dubrowsky
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires — Argentina